

Фольклористика

УДК 398, 1.571, 161.3, 784.4

DOI 10.17223/18137083/74/1

Обрядовые коды летне-осеннего сезона календарного цикла белорусов Сибири и Дальнего Востока

Т. В. Дайнеко

*Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

В статье изложены результаты изучения архивных и опубликованных материалов 1970–2010-х гг., посвященных летне-осеннему сезону годового календарного круга белорусов-переселенцев Сибири и Дальнего Востока. Установлено, что в первом периоде сезона (собственно лето) преобладают праздничные фольклорно-этнографические комплексы, во втором (позднее лето и осень) – сезонно-трудовые. Проводится последовательное сравнение фольклорно-этнографических комплексов двух периодов по обрядовым кодам (по Н. И. Толстому), в результате чего выявляется специфика каждого периода и становится очевидной их яркая контрастность, обусловленная различными обрядовыми функциями. Летние обряды и приуроченные к ним песни предстают как завершение большого обрядового цикла, начатого еще в Святки и направленного на вызывание урожая. Фольклорно-этнографический комплекс позднего лета и осени включает обряды и песни, сопровождающие получение урожая.

Ключевые слова

традиционная культура Сибири, календарный фольклор белорусов-переселенцев, летне-осенний сезон, фольклорно-этнографические комплексы, обрядовые коды

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884)

Для цитирования

Дайнеко Т. В. Обрядовые коды летне-осеннего сезона календарного цикла белорусов Сибири и Дальнего Востока // Сибирский филологический журнал. 2021. № 1. С. 9–23. DOI 10.17223/18137083/74/1

Ritual codes of the summer-autumn season of the calendar cycle of the Belarusians of Siberia and the Far East

T. V. Dayneko

*Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Annotation

This paper considers the ritual codes (temporal, local, actional, personal, real, and verbal) of the summer-autumn season of the calendar cycle of Belarusian-settlers of Siberia and the

© Т. В. Дайнеко, 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 1
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 1

Far East. The author used archival and published materials on calendar folklore recorded in the 1970s – 2010s from the descendants of Belarusian-settlers living in various districts of the Novosibirsk, Omsk, Tyumen, Kemerovo regions, as well as the Krasnoyarsk, Primorsky and Khabarovsk regions. First, the analysis focuses on the comments and explanations recorded by the folklore collectors from the tradition-bearers. These materials directly reflect the folk calendar terminology of the Belarusian-settlers and describe “from the inside” the ritual situations, including the context of the performance of calendar songs. A comparison is made between two periods of the summer-autumn season: 1) the summer and 2) the late summer and autumn. The first period is dominated by festive folk-ethnographic complexes, while the second period is predominantly characterized by seasonal work. The consistent comparison of ritual codes has revealed the specificity of summer-autumn season periods, making their striking contrast evident. Summer rituals and songs dedicated to them appear as the completion of a large cycle of rituals that began in the Christmastide period and were aimed at bringing about the harvest. The folk-ethnographic complex of late summer and autumn includes the rituals and songs accompanying the harvest.

Keywords

traditional culture of Siberia, calendar folklore of Belarusian settlers, summer-autumn season, folk-ethnographic complexes, ritual codes

Acknowledgments

The work is part of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences “Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language” supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract № 075-15-2019-1884

For citation

Dayneko T. V. Ritual codes of the summer-autumn season of the calendar cycle of the Belarusians of Siberia and the Far East. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 1, pp. 9–23. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/74/1

Введение

На современном этапе развития фольклористики ученые разных специальностей при изучении обрядового фольклора уделяют большое внимание выявлению и рассмотрению обрядовых кодов, впервые обозначенных в работах Н. И. Толстого [1995а; 1995б] (например: [Архипенко, 2009]). Это актуальное исследовательское направление получило отражение и в работах, посвященных обрядовому фольклору, в том числе календарному, коренных и переселенческих народов Сибири (см. [Ойноткинова, 2016; Шахов, 2019] и др.).

В статье изложены результаты выявления и аналитического рассмотрения обрядовых кодов¹ в летне-осеннем сезоне годового календарного цикла белорусов Сибири и Дальнего Востока. Летне-осенний сезон – от Троицы до Покрова – представляет большой интерес и имеет собственную специфику. С одной стороны, в нем прослеживается единая линия: все его обрядово-песенные элементы связаны с земледелием и, шире, с культом растительности. С другой стороны, два периода этого сезона: 1) собственно лето и 2) позднее лето и осень – достаточно ярко контрастируют друг с другом, что обнаруживается в результате последовательного сравнения обрядовых кодов, выявленных в них.

¹ Используется ряд обрядовых кодов, предложенный Н. И. Толстым [1995а]: акциональный, реальный, персональный, темпоральный, локативный и вербальный. Музыкальный код в статье не рассмотрен, он требует отдельного специального изучения.

Для исследования были использованы архивные и опубликованные материалы по календарному фольклору, записанные в 1970–2010-х гг. от потомков белорусов-переселенцев, проживающих в различных районах Новосибирской, Омской, Тюменской, Кемеровской областей, а также Красноярского, Приморского и Хабаровского краев. Прежде всего мы уделяем внимание комментариям и пояснениям, зафиксированным собирателями от носителей традиции: в них непосредственно отражена народная календарная терминология белорусов-переселенцев и «изнутри» описываются обрядовые ситуации².

В летне-осеннем сезоне можно выделить *ритуальные, сезонные и трудовые фольклорно-этнографические комплексы*, пропорциональное соотношение их в каждом из периодов неодинаково. *Летний период* сезона включает два основных ритуальных фольклорно-этнографических комплекса, и оба они праздничные. Троица³ имеет подвижную дату и отмечается через семь недель после Пасхи. Сама Троица насыщена обрядовыми действиями. Имеют свои ритуалы и окружающие ее дни: предшествует ей «родительская» / «духовая» / «духовская» суббота с обязательным посещением кладбища, после Троицы следует Духов день с присущими ему запретами: «Вчера была Троица. А сёдни в нас праздник – земля именинница... ..Нельзя трогать яе» (Петропавловка Мсл. Нвсб.⁴) [Дайнеко, 2018, с. 133]. С этого дня начинается «русальная» / «грязная» / «граная» неделя, которая по смысловой и обрядовой направленности являлась продолжением Троицы.

Другой праздничный комплекс – купальский (день Ивана Купалы 7 июля н. ст.) – играет важную роль в годовом круге: прежде он приходился на переломный период года – дни летнего солнцеворота (24 июня ст. ст.). К нему примыкает Петров день (12 июля н. ст.). «Купало» имеет более развитую обрядность и превосходит по значимости «Петровки», однако они объединяются песенным репертуаром: «Эта на Ивана Купайла всё пають... да и на Петра пають же» (Соколовка Чгв. Прм.) [СС КШ, 2003, с. 120, № 116].

Самостоятельное значение в рассматриваемый период имеет сезонный фольклорно-этнографический комплекс – молодежные развлекательные собрания. Имели место и трудовые комплексы: земледельцы в это время были заняты прополкой полей и огородов, а за некоторое время до или же сразу после Петрова дня (в некоторых локальных традициях приуроченность была строгой) начинался сезон.

К ритуальным действиям этого времени непосредственно относятся обрядовые песни – троичские, купальские и петровские. Приуроченными к обрядам были прежде всего хороводные песни. Они же составляли значительную часть молодежных досуговых собраний, вплоть до Петрова дня, когда хороводы водить за-

² Использование высказываний носителей традиции в качестве источника – одна из современных (начиная со второй половины XX в.) тенденций в фольклористике; в настоящее время такой подход получил достаточно широкое распространение, в том числе на сибирском материале; например: [Пашина, 2006; Фурсова, 2003; Исмагилова, 2013].

³ Белорусский исследователь З. Я. Можейко относит Троицу к весеннему сезону, но подчеркивает, что этот праздничный комплекс носит переходный характер и расположен «на стыке весны и лета» [1985, с. 26]. По В. К. Соколовой, Троица знаменует «конец весны и начало лета» [1979, с. 188].

⁴ Здесь и далее в скобках указаны места записи исполнительского комментария: название деревни или села, а также сокращенно названия района и области или края. Список сокращений географических названий см. в конце статьи.

канчивали. Кроме того, на праздниках могли исполняться образцы необрядового фольклора других жанров (например, лирические песни, наигрыши и т. д.). Песни, сопровождающие различные полевые работы, относятся к приуроченным к сезону (подробнее о жанровой классификации календарных песен см.: [Дайнеко, Леонова, 2019]).

Второй период сезона – *позднее лето* и *осень* – очень важное и ответственное время в жизни крестьян: в сжатые сроки было необходимо убрать урожай злаковых культур. В едином фольклорно-этнографическом комплексе данного периода преобладают трудовые элементы. Старт жнивных работ зависел от климатических условий региона и погоды в конкретный год; обычно земледельцы приступали к жатве после Ильина дня (2 августа н. ст.). Предваряли уборочные работы зажинки – специальные обряды с приуроченными к ним обрядовыми песнями. Далее процесс жатвы ритуальными действиями не прерывался, но сопровождался обрядовыми жнивными песнями, что, безусловно, свидетельствует о его особой значимости. Завершение работ – дожинки / обжинки – отмечено как ритуалами, так и обрядовыми дожиночными песнями. Приуроченными к сезонным работам были в первую очередь лирические, а также осенние / «восеньские» песни – они могли исполняться как во время полевых работ, так и по пути на поле или домой. Точную дату окончания уборочных работ информанты обычно не называют (во многом она зависела от погодных условий). Но есть и исключения: записано сообщение жительницы с. Фроловка (Пртз. Прм.) о том, что у них жатва заканчивалась в день Фрола и Лавра (18 августа по ст. ст.) [СС КШ, 2003, с. 94]. Календарной меткой окончания второго периода летне-осеннего сезона можно считать Покрѳ / Покрѳ день (1/14 октября) – к этому времени все полевые и огородные работы следовало завершить: «...Помню, что говорили: “Покрѳ – с поля долов”. Это уже старайся всё убирать, а то скоро зима» (Колбаса Кшт. Нвсб.) [Дайнеко, 2016б, с. 69]. Этот день считался границей между осенью и зимой; ритуальный цикл, связанный с земледелием, прерывался, уступая место семейно-обрядовому (наступало время свадеб). Если воспользоваться делением обрядовых циклов годового круга, предложенным В. И. Чичеровым [1957, с. 19–20], то можно сказать, что внутри летне-осеннего сезона проходит граница между двумя большими календарными циклами: летний период завершает годовой (начатый еще в Святки) цикл обрядов, вызывающих урожай, а в период позднего лета и осени, напротив, представлены обряды, сопровождающие получение урожая.

Обрядовые коды летне-осеннего сезона

Как в метрополии, так и в местах переселения белорусов-земледельцев календарные обряды в прошлом служили основным фактором, организующим течение жизни. Неудивительно, что важнейшее место в системе обрядовых кодов занимает именно *темпоральный код*. Время совершения обряда и исполнения соответствующих ему календарных песен – это, видимо, то, что носители традиции хотят сообщить прежде всего.

В комментариях к *летнему периоду сезона* можно выделить несколько уровней проявления темпорального кода.

В высказываниях об обрядах, относящихся к праздникам этого периода и сопровождающим их песням, зачастую указывается, что исполняли их накануне либо непосредственно в течение праздничного дня, иногда сообщается и время суток: «Это перед Иваном, на Купалу», «Ето на Купалку, шастого етага йуля пели», «– Это купалка. – А когда ее поют? – Вечером, шестога [июля]» (Ларионовка

Знм. Омск.; Арх. ОмГПУ, МАГ-4/1973, № 11 ⁵; МАГ-3/1996, № 8, 35); «Вот это сейчас, в Петров день, её поют» (Тайга Знм. Омск.; Арх. ОмГПУ, МАГ-1/1973, № 3); «На Петра пели» (Ермаки Вкл. Тюм.) ⁶.

Праздничные дни могли служить вехами, ограничивающими период исполнения песен, о которых идет речь, например: «пасля Пятра» (Ларионовка Знм. Омск.; Арх. ОмГПУ, МАГ-3/1996, № 25); «...Когда пост перед Пятром» (Айлинка Знм. Омск.; Арх. ОмГПУ, МАГ-3/1974, № 4).

Песня могла быть приурочена к определенному сезонному виду труда (прополка, сенокос), четкую дату в таком случае указать нельзя, но можно обозначить вид работы: «полють траву и эту песню пяють» (Там же). Как видим, темпоральный код здесь сливается с акциональным, эта особенность еще ярче проявляется во втором периоде сезона.

В период позднего лета и осени, как уже упоминалось, отсутствуют праздники: крестьяне заняты только уборкой урожая. Это определило характер проявления темпорального кода в высказываниях исполнителей, посвященных песням данного периода: сезон обозначается с помощью описания сельскохозяйственных работ, приуроченных к нему. Например: «як начинали жать рожь», «тоже як жали», «как рожь дажинали», «эта дажавши с поля ишли, эту песню пели. Как рожь убрали» (Ларионовка Знм. Омск.; Арх. ОмГПУ, МАГ-3/96, № 24, 26, 19, 21); «как кончают жать» (Атирка Трс Омск.; Арх. ОмГПУ, МАГ-16/1980, № 9); «эта уж кагда обмолотят» (Тайга Знм. Омск.; Арх. ОмГПУ, МАГ-1/1973 № 4); «[когда] конопли берут... вóсинью» (Многоудобное Шкт. Прм.) [СС КШ, 2003, с. 120, № 121].

Локативный код. Календарные песни всего годового круга исполняются в различных локациях, соотносящихся друг с другом по принципу матрешки – от ограниченного пространства ко всё более широкому: 1) внутри жилища («у хати»), 2) поблизости от дома, вокруг него (во дворе, под окном, на пороге и т. п.), 3) внутри поселения (на улице), 4) за пределами населенного пункта (на кладбище, на поле, на берегу речки и пр.). Специфика летне-осеннего сезона, который крестьяне проводят в основном вне дома, занимаясь полевыми работами, определила особенности проявления локативного кода.

Летний период сезона. Чаще всего в комментариях исполнителей встречаются упоминания о локациях третьего и четвертого видов – на улице или за пределами поселения. Так, функция некоторых купальских песен заключалась в вызывании односельчан из домов: «Эта купалка, вечером штобы все были на дворе» (Ларионовка Знм. Омск.; Арх. ОмГПУ, МАГ-3/1996, № 35). В тексте песни обещаны наказания тем, кто не явится для выполнения купальских обрядов: «А каво нету на вулицы, / Аблажи таво калодами» и т. д. Некоторые ритуальные действия в ночь на Купалу нужно было совершать в определенном месте поселения: «...Пяём у калодезя... ў вядро крапиву наторкаём, на калодиц паложим...» (Суражевка (г. Артём) Прм.) [СС КШ, 2003, с. 120, № 115]. В другом случае информан-

⁵ В статье даны ссылки на неопубликованные аудиоматериалы, хранящиеся в фольклорном архиве Омского педагогического университета (ОмГПУ, ранее – института), а также Полевые материалы (ПМ) В. Ф. Похабова и Т. В. Дайнеко. Копии аудиоматериалов хранятся в Архиве традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки (АТМ НГК). Расшифровка аудиозаписей выполнена автором статьи.

⁶ Песенная жемчужина Тюменской области: компакт-диск / Сост. Л. Дёмина. Тюмень, [не ранее 2001]. Приложение к компакт-диску. Ч. 2: Песни переселенцев Могилёвской губернии (1994).

ты рассказывают о совершении обрядовых действий, связанных с ритуальным купальским деревцем: сначала они происходили на улице, а затем место действия перемещалось за пределы села, к реке: «С песнями “На Ивана, на Купайла...” дайдут до моста» (Соколовка Чгв. Прм.) [СС КШ, 2003, с. 93].

Вообще важнейшими и зачастую взаимосвязанными локациями для обрядовых действий и исполнения соответствующих песен летнего периода являются река (как берег, так и сама вода, ее течение) и места с обилием растительности – в зависимости от местности это могут быть луг или лес. С указанными локациями связаны прежде всего ритуальные действия на Троицу. В лесу и на лугах накануне праздника собирали зелень для последующего украшения жилища и подворья (т. е. происходит смена локаций обрядовых действий): «У субботу ходили у лес, рвали траву... кустами которая расте. ...И вот мяту ету рвали. Цвяты – аганьки, мядунки... Принóсили дамоў, за стол кídaли» (Петропавловка Мсл. Нвсб.) [Дайнеко, 2018, с. 132]. В лесу или на берегу реки совершается троицкий обряд плетения венков и бросания их в воду (последнее присутствует не во всех локальных традициях). Необрядовая часть праздника происходит в тех же локациях: «А что Троица? Идём к речке...» (Камышинка Кшт. Нвсб.) [Дайнеко, 2016а, с. 90]; «На Троицу собираешься, идешь в лес (это уже обязательно)...» (Многоудобное Шкт. Прм.) [СС КШ, 2003, с. 91].

Обрядовые ситуации вызывания дождя, во время которых исполнялись православные песнопения, также связаны с двумя локациями – рекой и полем: «Старухи собираются, на речку сходят, поють – “Богородицу”... (тропарь. – Т. Д.). ...Идуть с речки, где рожь посеяна, – на рожь сходят с етой иконой...» (Колбаса Кшт. Нвсб.) [Дайнеко, 2016б, с. 69].

В рассматриваемый период регулярно происходили молодежные собрания, сезон которых начался еще весной. Игры, песни и пляски происходили на свежем воздухе, в удобном открытом месте на краю поселения: «шли на луга на границу» (Вкл. Тюм.) [Традиционный фольклор..., 2013, с. 10], «на точкё» (Прямское, Петропавловка Мсл. Нвсб.).

Приуроченные к первому периоду летне-осеннего сезона прополочные, покосные, косецкие и другие песни, которые сопровождали различные виды крестьянского труда, звучали непосредственно на поле или лугу. Хотя в комментариях локация напрямую не названы, они очевидны: «Рядышком идём, траву рвём и паём (Васильевка Пртз. Прм.) [СС КШ, 2003, с. 94].

Практически все обряды позднего лета и осени связаны с главнейшей в это время локацией – полем. Обрядовые песни данного времени – жнивные – исполнялись непосредственно на поле: «От мы жнём и паём, и жнём, и песни этыя паём. <...> На поле... я одна жну» (Многоудобное Шкт. Прм.) [Там же]. Приуроченные к сезону песни, чаще всего лирические, исполнялись во время отдыха или по пути на работу и домой, например: «Снопы вязали, а потом шли уже домой ехать, ету песню пели» (с. Васьково Прмшл. Кмр.; АТМ НГК, аудиофонд, ПМ В. Ф. Похабова, ед. хр. 12.629, А27).

Встречаются комментарии, где объединены несколько из перечисленных выше видов локаций. Например, исполняемая на поле, во время работы, «толокчанская» песня могла затем прозвучать и внутри жилища: «Когда толокчали, бывало, як единолично жили, назьмы вазили⁷... Мужуки сабираются, коней запрягают, друг

⁷ Вывозили навоз на поля в качестве удобрения, обычно после уборки урожая.

другу помогают. Девушки или женщины молодые идут трасти сразу на поля⁸ – там и песни поют. А потом, вечером уже, управляются, за стол садятся, хазяева праготовють. Потом и за столом поют. Вот эта толокá – такая песня» (Тайга Знм. Омск.; Арх. ОмГПУ, МАГ-1/1973, № 7).

Важнейшими для календарных песен являются *персональный* и *акциональный коды*, о чем свидетельствует частота их появления в высказываниях исполнителей. Как правило, они встречаются совместно: информант сообщает, какая половозрастная группа населения участвует в обряде или пении (дети, мужики, бабы, девки и пр.), и, кроме того, поясняет, какие действия указанная группа совершает до, во время или после исполнения календарной песни.

Летний период сезона. Перед Троицей в предпраздничных хлопотах участвовали практически все жители села или деревни. Заготовить молодые деревья и другие растения для украшения подворья мог любой человек: «А кто мог. Топорик взяла, пошла, отрубила штуки четыре и поставила, сколь тебе надо» (Камышинка Кшт. Нвсб.) [Дайнеко, 2016а, с. 90]. Существуют единичные свидетельства, что сибирские белорусы топили троицкие деревца в реке в день праздника [Фурсова, 2003, с. 33]. Чаще информанты рассказывали, что через некоторое время засохшие растения принято было жечь либо выбрасывать за пределы подворья или поселения.

Группа парней выполняла особую функцию в подготовке к празднику – они мастерили на месте гуляний качели: «...На Троицу хлопцы делали загодёи (заранее. – Т. Д.), за два, за три дни качели, и ужо деўки собираются и на качелях на тых [качаютя]» (Петропавловка Мсл. Нвсб.) [Дайнеко, 2018, с. 133]. Такие части обрядового комплекса Троицы, как выход в лес или на берег реки, разведение там костров и ритуальная трапеза, а также и пение песен различных жанров, тоже носили массовый характер: «Ой, як Троица – стольки народу! В лес идуть... Одна толпа идёт домой, другая – идти в лес. И парни, и деўки, вси подряд шли» (Петропавловка Мсл. Нвсб.) [Там же]; «...Ходили в лес, там сабирались такими группками: и маладыя, взрослыя и паменьше каторыя. Возли рэчки асбинна хадили. Кастры разводили, жарили сало», «Агни ложили, рыбу ловили, уху варыли, выпивали, песни пели, хто какия можа...» (Фроловка, Сергеевка Пртз. Прм.) [СС КШ, 2003, с. 91]. Центральные же элементы праздничного троицкого комплекса: сплетание ветвей березы, ее украшение, а также плетение венков на голову – выполняли девушки с пением соответствующих обрядовых песен: «На берёзках завивали, помню, венки. Завязывают вот два сўка..., и потом уже, няделя пройдёт, надо их развить. А то, говорили всё, если их не разовьёшь, то будут русалки кататься на етых качелях», «Возле речки там венки завивали, пускали вянки» (Колбаса Кшт. Нвсб.) [Дайнеко, 2016б, с. 68]. Троицкие гуляния молодежи продолжались порой до утра: «Ну а парни же вместе гуляют с девками, на Троицу вечёрки были до самого свету, придем уже светло домой, а вечером уходим» (Тайга Знм. Омск.; Арх. ОмГПУ, Маг-1/1996, № 15).

Обрядовые действия дня Ивана Купалы во многом схожи с троицкими: массовые гуляния (даже несколькими поселениями), особая роль молодежи в них, проведение ритуалов, связанных с водой и растительностью. Гуляния с ритуальными действиями и песнями могли происходить в поле в ночь накануне праздника: «...Мы жили в Чегенах, а Покровка от нас девять километров. И на половине дороги мы должны сойтись. <...> Там они с гармошкой, факелы зажгут, намотают

⁸ Равномерно разбрасывать навоз по вспаханному полю.

смолой да всё, чтоб горели. Высоко поднимают... <...> Ну а там пляшем да поем, а тада уже расходимся, те домой и мы домой. <...> ...Молодежь вот так вот хадила» (Тайга Знм. Омск.; Арх. ОмГПУ, Маг-1/1996, № 14); или сначала в деревне, а затем в лесу: «Вот колесо сломается, там была такая вся смолистая [древесина], ...[сначала] по деревне ходили с етым. <...> ...Бабы ходили, носили кругом это... А потом: “Колесницу, мол, пойдём поджигать”. И в лес – там поджигали» (Новоягодное Знм. Омск.; Арх. ОмГПУ, Маг-1/1996, № 43). Важной ритуальной акцией купальской ночи было прыгание через костер, что сопровождалось обрядовыми песнями: «На Ивана Купала / Через огонь скакала» (Голубовка Сдлн. Омск.; Арх. ОмГПУ, Маг-1/1980, № 5). В комментарии исполнителя раскрывается и другой элемент, который мог присутствовать в данной обрядовой ситуации, – ряжение: «И опять, и опять, а то из диток кто-нибудь нарядится, шубу вывернут, [задом] напёрт: “Ведьма, – кажут, – ведьма”» (Там же).

В сам Иванов день совершались обряды, связанные с ритуальным деревцем: его срубали и украшали цветами девушки, затем в деревне вокруг него пели, играли и плясали, а под вечер несли к реке топить: «...пають уже на мосту и пляшуть... тады уже ў рэчку кидають, и плыветь уже эта Купайлица» (Соколовка Чгв. Прм.) [СС КШ, 2003, с. 93]. Девушки во время гуляния сплетали венки, которые также бросали в реку, гадая таким способом о будущем: «который поплыве и застряня – та уже замуж выйдя», «чей вянок... на дно пал – значит памрешь в этом году» [Там же].

Купания в реке и прочих водоемах в этот день считались благоприятными, более того, во многих местах расселения сибирских белорусов до Иванова дня купаться было запрещено. Наиболее живучим оказался один из центральных содержательных элементов праздника – обливание водой. В прошлом это было обрядовым действием, которое совершали все слои населения независимо от возраста – для благополучной жизни, а также ради вызывания дождя в нужное время; затем (примерно со второй половины XX в.), потеряв свой ритуальный подтекст, обливания стали развлечением, в основном детским: «Только знали, что Иван Купала. Бегали ребятишки, обливались водой, и всё» (Колбаса Кшт. Нвсб.) [Дайнеко, 2016б, с. 68]. До наших дней сохранилась и традиция совершать в ночь на Ивана Купалу шуточные бесчинства: «бегают, детвора, то на дорогу набросают всякого ломья, не проехать потом машинам, то дрова поразбрасывают» (Крутиха Кшт. Нвсб.; ПМ Т. В. Дайнеко, 2017 г.).

Сельскохозяйственные работы в день Ивана Купала не запрещались – это была пора сенокоса: «сено подойдя – метали, а не подойдя – отдыхали» (Нвсб.) [Фурсова, 2003, с. 61]. В то же время и после праздника летние молодежные собрания с пением и танцами не прекращались: «Сено там косишь или что, придешь – устанешь: “Ну всё... я никуда не пойду”. Где-то там гармошка пикнула в краю деревни – всё, собираешься и пошёл. Такие вечаринки были» (Тайга Знм. Омск.; Арх. ОмГПУ, Маг-1/1996, № 19).

К троичким и купальским обрядам были приурочены хороводные песни: «особенно на Троицу водили хороводы», «на Троицу всё пели хороводские песни» (Колбаса Кшт. Нвсб.) [Дайнеко, 2016б, с. 68], «водили хороводы. У нас хороводы не только на Троицу водили, но и всегда в праздники» (Ивановка Брлс. Крсн.) [Семик и Троица..., 2012, с. 83].

В рассматриваемый период по необходимости совершались обрядовые акции по вызыванию дождя. Некоторые способы были под силу одному человеку: «Вот у вдовы раньше еты крынки, горшки глиняные, [которые] вывешивали на колья,

чтобы просушивались, прожаривались, вот [их] крадут у этой вдове и в речку бросают, чтоб дощ пошёл» (Колбаса Кшт. Нвсб.) [Дайнеко, 2016б, с. 68], другие же требовали согласованных действий определенной группы населения. Так, три вдовы должны были трижды «перепяхать речку» по мелководу плугом, впрягшись в него: «Ну, один дяржить [плуг], а двое тянуть. Тут етыя хохочуть. Которые купаются, которые на берягу сидят. <...> Любые [женщины] сидели, а вдовы пахали» [Дайнеко, 2016б, с. 69].

Позднелетне-осенний период сезона контрастирует с летним и в проявлении акционального и персонального кодов. Как уже отмечалось, единственная доминанта данного периода – уборка урожая. Сложность и напряженность труда, необходимость быстро завершить все работы обуславливают отсутствие праздников. Практически все обрядовые акции второй части связаны с жатвой, а ведущая роль в их совершении переходит ко взрослому населению, в некоторых случаях – к отдельным его группам, имеющим особый статус. Основная тяжесть жатвы ложилась на взрослых женщин. Так, начинать жнивные работы должна была вдова (но не старуха), совершая при этом особые ритуальные действия и произнося приговоры: «Я маладая ўдова была и всегда начинала жать... Вот пшаница. В пучок сделаешь несколько каласов, тут и свяжишь этыя каласы, а там траву усю парвеш, штоб травы не было. И кладешь кусочек хлеба памежду этих каласов. А патом нажинаю первый сноп. Кажу: “Стой, сноп, на сто коп, хоть адин сноп – на год хлеба, хоть сто коп – на год хлеба”» (Харитоновка Шкт. Прм.) [СС КШ, 2003, с. 94]. В некоторых местах расселения белорусов первый пучок колосьев отмечали другим способом: «– Зажинали рожь, жмеечку отжали и на икону понесли повешали. – В этот же день, да? – Да, як зажнешь рожь» (Ларионовка Знм. Омск.; Арх. ОмГПУ, Маг-3/1996, № 27). Чтобы сохранить здоровье на протяжении трудной работы, в начале жатвы выполнялись особые обрядовые акции: «Она уже, ета, атажнёт прашку (небольшой пучок колосьев. – Т. Д.), свяжет так вот, падвяжеться (т. е. заткнет этот пучок за пояс. – Т. Д.) и жнёт. И всем атажнёт па жменьке, штобы все падвязались, штоб паясница не балела» (Преображенка Ачн. Крсн.; АТМ НГК, аудиофонд, ПМ В. Ф. Похабова, ед. хр. 12.629, В16). Обрядовые жнивные песни звучали практически постоянно во время работы в поле: «И я сама пела, и все бабы так пели» (Михайловка Сдлн. Омск.; Арх. ОмГПУ, Маг-2/1980, № 38).

Окончание жатвы отмечено особыми обрядовыми акциями и песнями, которые также исполняли женщины. Последний несжатый пучок оставляли на поле «Иллю на бараду» – «завивали бороду», особым образом скручивая колосья (Сokolовка Чгв. Прм.) [СС КШ, 2003, с. 94]; «Рожь там кидали, как остается, говорят, что борода. Хлеб, соль кидали. Звязывали рожь, колосья так крутили, штоб [в] горстку, хлеб там [оставался] и рожь. Всё, дажали» (Ларионовка Знм. Омск.; Арх. ОмГПУ, Маг-3/1996, № 21). Есть сообщения информантов об элементах праздничных обрядов: «Последний сноп... па-асобаму сабирают, у вас, у нас [по пучку от каждой семьи]. Свяжут... и аткрывають гуляние в поле», «пели, плясали, и этот сноп носили», а затем перемещали его в деревню (Фроловка Пртз. Прм.) [СС КШ, 2003, с. 94].

Реальный код. В обрядовых ситуациях годового календарного круга часто важную роль играют определенные предметы. В своих комментариях исполнители обычно называют их и указывают, как именно они включены в обряд, а если последний сопровождается календарной песней, то обозначают и момент пения, в который следует производить с предметом какие-либо действия.

В летнем периоде летне-осеннего сезона – и в троицком, и в купальском праздничных комплексах – в качестве обрядовых реалий выступают срезанные растения: трава и цветы, ветки кустарников или деревьев (березы или клена), молодые деревца, которые в некоторых традициях сибирских белорусов называли «май». С одной стороны, они фигурируют в обрядовых действиях сами по себе, например, в украшении подворья. С другой – из них изготавливаются важнейшие обрядовые элементы, которые становятся маркерами данного праздника: «май» – на Троицу, «эльце» – на Купало, венки – в обоих случаях. Кроме того, некоторые из растений, приобретая после праздника особую «силу», используются позже и в других обрядовых ситуациях жизненного цикла. Так, высушенную траву из украшения дома на Троицу хранили, из года в год пополняя запасы, чтобы в нужный момент использовать ее в похоронном обряде: «Могла хоть сколь лязгать. <...> Чтобы када покойник помрэ, ету самую траву – у подушку. ...И подушку – под галаву [покойнику] клали» (Петропавловка Мсл. Нвсб.) [Дайнеко, 2018, с. 133]. Среди обрядовых реалий Троицы следует еще назвать качели и блюда ритуальной трапезы, такие как «яишня», жареное сало, уха. В купальской обрядности, кроме реалий из растений, большую роль играет костер, а также огонь в иных предметных формах – факелы и горящее колесо.

Обрядовые реалии позднелетне-осеннего периода немногочисленны, а их вид определяется единственной целью – благополучной уборкой злаковых культур: это снопы, пучки колосьев, которые могли быть завиты в «бороду», хлеб и соль.

Вербальный код. Семантическая нагрузка народной терминологии столь значительна, что практически каждую единицу этого «словаря» можно считать «свернутым текстом» [Архипенко, 2009, с. 439]. Приведем лишь некоторые примеры того, как вербальный код сочетается с другими кодами, стягивая и вбирая их в себя. Троица, Иван Купала, Купала, Купалка, Петров день, Пётр – номинации праздников и одновременно определенных точек в годовом круге; «Сёмуха» – то же, кроме того, это название и отдельного дня, и всей «седьмой недели по Пасхе» (Останинка Свр. Нвсб.) [Фурсова, 2003, с. 31]. В обозначении «травяной праздник» (Соколовка Чгв. Прм.) [СС КШ, 2003, с. 91] сочетаются вербальный, темпоральный, акциональный и реальный коды, то же наблюдается в номинациях срубленного молодого дерева – «май», «Купайла / Купайлица», «эльце». По несколько кодов содержится в афористичных приговорах: «Петровка – голодовка», «На Иван Купала что сделал – то пропало». А в коротком слове «жнивó», пожалуй, свернуты вообще все обрядовые коды второго периода летне-осеннего сезона.

Жанры обрядовых песен могут быть выражены с помощью существительных и прилагательных: «купала», «купалка», «купалкина песня», «жниво», «жнивная», а могут не иметь самостоятельных названий и обозначаться описательным образом. Например, троицкая песня именуется в соответствии с обрядовым предметом и связанным с ним действием: «И песни тожа пели такая ж сáмы, как вянки завивать» (Колбаса Кшт. Нвсб.) [Дайнеко, 2016б, с. 68]. Особенно часто через акциональный код обозначается жанровая принадлежность песен позднелетне-осеннего периода сезона – и обрядовых: «як жали», «як начинали жать», «как дажинали», и приуроченных к обряду или сезону: «эта уж кагда обмолотят, ещё вот приготавлиются, как ищё закончилась работа и эту песню поют» (Тайга Знм. Омск.; Арх. ОмГПУ, Маг-1/1973, № 4).

Вербальный код проявляется и в виде высказываний носителей традиции о музыкальных явлениях: одном или нескольких средствах музыкального языка какой-либо песни, а также об особенностях певческого стиля. Например: «На Петра

пели всякие песни проголо́сные» (Ермаки Вкл. Тюм.)⁹, «Жнуть и поють, там уже сильно так не тянуть, патихоньку бурчать», «А их можна и так петь [вне работы]. И па аднаму можна, и несколько, ище й лучше» (Харитоновка Шкт. Прм.) [СС КШ, 2003, с. 94].

Выводы

Проведенное сравнение по обрядовым кодам позволяет выделить характерные черты каждого из двух периодов летне-осеннего сезона. В первом – летнем – периоде главную роль играют праздничные фольклорно-этнографические комплексы (меньшую – троичный, большую – купальский). Праздничные дни имеют четкую привязку в годовом круге (Троица – через семь недель от Пасхи), некоторые – даже конкретную дату (Иван Купала). Праздничные ритуалы, а также и другие действия этого времени совершаются в разнообразных локациях внутри поселения и за его пределами (улица, «точок», луг, лес, река, поле). Одна часть подготовительных и обрядовых действий носит массовый характер (например, гуляния), другая – принадлежит отдельным группам населения (строят качели парни, завивают венки девки, вызывают дождь вдовы и т. д.), большую роль играют дети и молодежь. Ряд обрядовых реалий весьма разнообразен, то же можно сказать и о народной терминологии первой части сезона.

Единый фольклорно-этнографический комплекс второго периода сезона – позднего лета и осени – можно назвать сезонно-трудовым, с обрядовыми и частично праздничными вкраплениями. Всё в этот период подчинено одной цели – уборке зерновых, что и определяет характер проявления обрядовых кодов. Темпоральный код выражается через описание видов земледельческих работ, без указания точной их даты. Основное значение имеет одна локация – поле. Все обрядовые акции связаны с трудом, ведущую роль в них играет взрослое население, в основном женщины, а также группы, имеющие особый статус (например, вдовы на зажинках). Реальный ряд отличается немногочисленностью и однонаправленностью – в нем представлено только то, что связано со злаками. Вербальный код весьма аскетичен в самостоятельных проявлениях («жнивó»), чаще всего он выступает в слиянии с акциональным.

Итак, летне-осенний сезон календарного цикла белорусов-переселенцев Сибири и Дальнего Востока имеет свою специфику: хотя в двух его периодах, как и в метропольной традиции, отражены «сквозные земледельческие культы солнца, растений, полевых духов» [Можейко, 1985, с. 38], они контрастируют друг с другом по характеру проявления обрядовых кодов. Такой контраст, по мнению З. Я. Можейко, заложен в архитектонике годового календарного круга, где чередуются периоды с преобладанием обрядовых действий и карнавализации (в летне-осеннем сезоне это собственно лето и особенно купальский комплекс) и периоды с преобладанием «песенных высказываний» в процессе труда (жатва) [Там же, с. 39].

Список сокращений географических названий

Новосибирская область (Нвсб.)

Кшт. – Кыштовский район

Мсл. – Маслянинский район

Свр. – Северный район

⁹ Песенная жемчужина Тюменской области: компакт-диск... (см. сноску № 6).

Омская область (Омск.)

Знм. – Знаменский район

Трс. – Тарский район

Сдлн. – Седельниковский район

Тюменская область (Тюм.)

Вкл. – Викуловский район

Красноярский край (Крсн.)

Ачн. – Ачинский район

Брлс. – Бирилюсский район

Кемеровская область (Кмр.)

Прмшл. – Промышленновский район

Приморский край (Прм.)

Чгв. – Чугуевский район

Шкт. – Шкотовский район

Пртз. – Партизанский район

Список литературы

Архипенко Н. А. Традиции и новации в обрядности и терминологии донского календаря // Проблемы истории, филологии и культуры. 2009. № 1 (23). С. 438–445.

Дайнеко Т. В. Записки из Петропавловки: по результатам экспедиции 2016 г. в Маслянинский район Новосибирской области // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2018. № 2 (вып. 36). С. 128–136. DOI 10.25205/2312-6337-2018-2-128-136

Дайнеко Т. В. Календарные обряды и песни села Камышинка (материалы экспедиции 2016 г.) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2016а. № 2 (вып. 31). С. 128–136.

Дайнеко Т. В. Фольклорные традиции села Колбаса: основные вехи народного календаря (по воспоминаниям Евы Ивановны Павлюковой) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2016б. № 2 (вып. 31). С. 63–70.

Дайнеко Т. В., Леонова Н. В. Календарные песни белорусов Сибири и Дальнего Востока: жанровый состав // Сибирский филологический журнал. 2019. № 2. С. 27–38. DOI 10.17223/18137083/67/3

Исмагилова Е. И. Исполнительские комментарии как источник информации о музыкальном фольклоре народов Сибири // Вестник муз. науки. 2013. № 1. С. 24–29.

Можейко З. Я. Календарно-песенная культура Белоруссии: Опыт системно-типологического исследования. Минск: Наука и техника, 1985. 247 с.

Ойноткинова Н. Р. Культурно-семиотические коды календарной обрядности южных алтайцев // Сибирский филологический журнал. 2016. № 4. С. 5–18. DOI 10.17223/18137083/57/1

Пашина О. А. Календарно-песенный цикл у восточных славян. СПб.: Композитор – Санкт-Петербург, 2006. 280 с.

Семика и Троица в народной культуре Приенисейской Сибири: Фольклорно-этнографические материалы. Семантика обрядовых действий / Сост. Н. А. Новосёлова. Красноярск: ГЦНТ; Класс Плюс, 2012. 212 с.

Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов: XIX – начало XX в. М.: Наука, 1979. 288 с.

СС КШ – Семёнова И. В., Семёнов О. В. Карагод широкий: Календарно-обрядовые песни переселенцев Суражского, Новозыбковского, Стародубского уездов Черниговской губернии в Приморье. Владивосток, 2003. 125 с.

Толстой Н. И. Вторичная функция обрядового символа // Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995а. С. 167–184.

Толстой Н. И. Из «грамматики» славянских обрядов // Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995б. С. 63–77.

Традиционный фольклор Тюменской области: репертуарный сборник / Авт.-сост. Л. В. Дёмина. Тюмень: Титул, 2013. 164 с.

Фурсова Е. Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX – XX в.). Новосибирск: Агро, 2003. Ч. 2: Обычаи и обряды летне-осеннего периода. 268 с.

Чичеров В. И. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI–XIX вв. (Очерки по истории народных верований). М.: Изд-во АН СССР, 1957. 236 с.

Шахов П. С. Мордовский календарно-обрядовый фольклорно-этнографический комплекс сибирского бытования (осенне-зимний период) // Сибирский филологический журнал. 2019. № 1. С. 26–39. DOI 10.17223/18137083/66/2

References

Arkhipenko N. A. Traditsii i novatsii v obryadnosti i terminologii donskogo kalendarya [Traditions and innovations in rituals and terminology of the Don calendar]. *Problems of history, philology and culture*. 2009, no. 1 (23), pp. 438–445.

Chicherov V. I. *Zimniy period russkogo narodnogo zemledel'cheskogo kalendarya 16–19 vv.: (Ocherki po istorii narodnykh verovaniy)* [Winter period of the Russian folk agricultural calendar of the 16th–19th centuries: (Essays on the history of folk beliefs)]. Moscow, AN SSSR, 1957, 236 p.

Dayneko T. V. Fol'klornye traditsii sela Kolbasa: osnovnye vekhi narodnogo kalendarya (po vospominaniyam Evy Ivanovny Pavlyukovoy) [Folk traditions of the village of Kolbasa: folk calendar major stages (according to Eva Ivanovna Pavlyukova's memories)]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2016, no. 2 (iss. 31), pp. 63–70.

Dayneko T. V. Kalendarnye obryady i pesni sela Kamyshinka (materialy ekspeditsii 2016 goda) [Calendar Rituals and Songs of Kamyshinka Village (Fieldwork Materials of 2016)]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2016, no. 2 (iss. 31), pp. 85–91.

Dayneko T. V., Leonova N. V. Kalendarnye pesni belorusov Sibiri i Dal'nego Vostoka: zhanrovyy sostav [Belarusian calendar songs of Siberia and the Far East]. *Siberian Journal of Philology*. 2019, no. 2, pp. 27–38. DOI 10.17223/18137083/67/3

Dayneko T. V. Zapiski iz Petropavlovki: po rezul'tatam ekspeditsii 2016 g. v Maslyaninskiy rayon Novosibirskoy oblasti [Notes from Petropavlovka: according to the results of the expedition in 2016 to Maslyaninsky district of Novosibirsk region]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2018, no. 2 (iss. 36), pp. 128–136. DOI 10.25205/2312-6337-2018-2-128-136

Fursova E. F. *Kalendarnye obychai i obryady vostochnoslavnyanskikh narodov Novosibirskoy oblasti kak rezul'tat mezhetnicheskogo vzaimodeystviya (konets 19 – 20 v.)*

[Calendar customs and rituals of the East Slavic people of the Novosibirsk region as result of interethnic interaction 16 (end of the 19 – 20th centuries)]. Novosibirsk, Agro, 2003, pt 2: Obychai i obryady letne-osennego perioda [Customs and rituals of the summer and autumn period], 268 p.

Ismagilova E. I. Ispolnitel'skie kommentarii kak istochnik informatsii o muzykal'nom fol'klоре narodov Sibiri [Performer's comments as a source of information about the musical folklore of the peoples of Siberia]. *Journal of Musical Science*. 2013, no. 1, pp. 24–29.

Mozheyko Z. Ya. *Kalendarno-pesennaya kul'tura Belorussii: opyt sistemno-tipologicheskogo issledovaniya* [Calendar-Song Culture of Byelorussia: Experience of a system and typological research]. Minsk, Nauka i tekhnika, 1985, 247 p.

Oynotkinova N. R. Kul'turno-semioticheskie kody kalendarnoy ob-ryadnosti yuzhnykh altaytsev [Cultural and semiotic codes of calendar rituals of the Southern Altaians]. *Siberian Journal of Philology*. 2016, no. 4, pp. 5–18. DOI 10.17223/18137083/57/1

Pashina O. A. *Kalendarno-pesennyi tsikl u vostochnykh slavyan* [Calendar-song cycle among the Eastern Slavs]. St. Petersburg, Kompozitor – St. Petersburg, 2006, 280 p.

Semenova I. V., Semenov O. V. *Karagod shirokiy: Kalendarno-obryadovye pesni pereselentsev Surazhskogo, Novozybkovskogo, Starodubskogo uездov Chernigovskoy gubernii v Primor'e* [Wide Karagod: Calendar-ritual songs by settlers from Surazhsky, Novozybkovsky, Starodubtzevsky Counties of the Chernigov province in Primorye]. Vladivostok, 2003, 125 p.

Semik i Troitsa v narodnoy kul'ture Prieniseyskoy Sibiri: Fol'klorno-etnograficheskie materialy. Semantika obryadovykh deystviy [Semik and Trinity in the national culture of Priyeniseysky Siberia: Folklore and ethnographic materials. Semantics of ceremonial actions]. N. A. Novoselova (Comp.). Krasnoyarsk, GTsNT, Klass Plyus, 2012, 212 p.

Shakhov P. S. Mordovian calendar-ritual folklore-ethnographic complex of Siberian existence (autumn-winter period). *Siberian Journal of Philology*. 2019, no. 1, pp. 26–39. DOI 10.17223/18137083/66/2

Sokolova V. K. *Vesenne-letnie kalendarnye obryady russkikh, ukraintsev i belorussov: 19 – nachalo 20 v.* [Spring-summer calendar rites of Russians, Ukrainians and Belorussians: the 19 – early 20 centuries]. Moscow, Nauka, 1979, 288 p.

Tolstoy N. I. Iz "grammatiki" slavyanskikh obryadov [From the "grammar" of Slavic rituals]. In: *Yazyk i narodnaya kul'tura: Ocherki po slavyanskoy mifologii i etnolingvistike* [Language and folk culture: Essays on Slavic mythology and ethno-linguistics]. Moscow, Indrik, 1995b, pp. 63–77.

Tolstoy N. I. Vtorichnaya funktsiya obryadovogo simvola [The secondary function of the ritual symbol]. In: *Yazyk i narodnaya kul'tura: Ocherki po slavyanskoy mifologii i etnolingvistike* [Language and folk culture: Essays on Slavic mythology and ethno-linguistics]. Moscow, Indrik, 1995a, pp. 167–184.

Traditsionnyy fol'klор Tyumenskoy oblasti: repertuarniy sbornik [The traditional folklore of the Tyumen region: a repertoire collection]. L. V. Demina (Comp.). Tyumen', Titul, 2013, 164 p.

Сведения об авторе

Дайнеко Татьяна Владимировна – младший научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской Академии наук (Новосибирск, Россия)

tan-dai@mail.ru

ORCID 0000-0002-9801-3007

Information about the author

Tatyana V. Dayneko – junior researcher of the Department of Folklore of the Peoples of Siberia at the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

tan-dai@mail.ru

ORCID 0000-0002-9801-3007